

Александр Чувьуров

«ПУТЕШЕСТВЕННИК МАРКА ТОПОЗЕРСКОГО»: ГЕОГРАФИЯ БЫТОВАНИЯ РУКОПИСНЫХ СБОРНИКОВ

Imagine no possessions
I wonder if you can
No need for greed or hunger
A brotherhood of man
Imagine all the people
Sharing all the world...

John Lennon. Imagine

Социально-утопические легенды — одно из важнейших направлений в творческой биографии К.В. Чистова. Данная тема являлась продолжением его фольклористических исследований, связанных с историей русского фольклора, в частности с биографией и поэтическим наследием крупнейшей русской сказительницы XIX века И.А. Федосовой. Во введении к монографии «Русская народная утопия» К.В. Чистов пишет, что в конце 1950-х годов у него возникла идея написать монографию о развитии русского фольклора во второй половине XIX века¹. В монографии наряду с фольклористическими проблемами предполагалось также рассмотреть темы, связанные с вопросами исторической психологии русского крестьянства². Подготовив этюд о севернорусской сказке второй половины XIX века, как отмечает К.В. Чистов, он обратился к другим фольклорным жанрам (причитания, эпические и исторические песни), чтобы выявить в них некоторые черты реального быта русской деревни конца XIX — начала XX века. Анализ этих фольклорных жанров показал, что в них отражены лишь некоторые детали действительности второй половины XIX века, но эти детали в фольклорных текстах, в частности в сказках, являются не сюжетообразующими и не стилеобразующими, а второстепенными, периферийными³. Среди различных публикаций по истории русского крестьянства XIX века внимание К.В. Чистова привлекла так называемая беловодская легенда. К началу 1960-х годов среди фольклористов эта легенда была основательно забыта: как отмечает К.В. Чистов, «никто, кроме В.П. Адриановой-Перетц, не мог о ней ничего вспомнить»⁴.

¹ *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функции социально-утопических легенд). СПб., 2003. С. 10.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

Систематизация сведений и анализ письменных и фольклорных текстов, связанных с беловодской легендой, обстоятельным образом были произведены К.В. Чистовым в статье «Легенда о Беловодье». Статья была напечатана в 1962 году в «Трудах Карельского филиала АН СССР»¹. В этой статье был опубликован текст так называемого «Путешественника Марка Топозерского» в семи известных к тому времени списках². В этом тексте дано описание легендарной страны Беловодья, лежащей где-то за Алтаем и Восточной Сибирью вблизи «Опоньских» (то есть японских) островов на море на многих островах (70), в которой проживали потомки православных христиан — «ассириан» и русских, бежавших от гонения католиков («от римских еретиков») и патриарха Никона («Никона еретика»). При этом отмечалось, что бегство православных русских произошло после разорения Соловецкого монастыря. В Беловодье, согласно «Путешественнику Марка Топозерского», находятся 170 церквей «асирского языка», православный патриарх «антиохийского поставления» и четыре митрополита. Российских церквей — 40, старообрядцы «тоже имеют митрополита и епископов асирского поставления». Согласно этому памятнику, беловодцы «светского суда не имеют, управляют народы и всех людей духовные власти». «В тамошних местах, — подчеркивалось в «Путешественнике», — татьбы и воровства, и прочих противных закону не бывает». В «Путешественнике» также давалось описание маршрута — каким путем должны двигаться те, кто отправляются в Беловодье. Рекомендуемые маршруты начинались от Москвы, Казани и Екатеринбурга, по Западной Сибири до Горного Алтая и далее через Китай до «Опоньских» островов³.

В статье К.В. Чистова содержался подробный текстологический анализ всех известных к тому времени списков «Путешественника», которые были им разделены на три редакции: севернорусскую, шаповскую и сибирскую (алтайскую)⁴.

Списки «Путешественника», как отмечает К.В. Чистов, совпадают и расходятся в ряде существенных моментов. Наиболее развернутое описание приводится в списках первой редакции. В них автором «Путешественника» указан Марк Топозерский; в списках второй и третьей редакций — некий Михаил. К.В. Чистов отмечает, что можно было бы предположить, что Марк и Михаил — два имени одного и того же лица до и после «бегунского» или иного «крещения» или пострижения, однако в списках второй и третьей редакций Михаил не называется Топозерским⁵.

¹ Чистов К.В. Легенда о Беловодье // Труды Карельского филиала АН СССР. Петрозаводск, 1962. Вып. 35. С. 116–181.

² Следует подчеркнуть, что заглавие «Путешественник» встречается не во всех текстах (в некоторых — «Путеводитель»), большинство списков вообще без заглавия.

³ Литература и источники по этому вопросу приводятся в работах Н.Н. Покровского и А.И. Мальцева: Мальцев А.И. Беловодье // Православная энциклопедия. М., 2002. Т. 4. С. 535; Покровский Н.Н. К постановке вопроса о беловодской легенде и бухтарминских «каменщиках» в литературе последних лет // Общественное сознание и классовые отношения в Сибири в XIX–XX вв. (Бахрушинские чтения, 1980 г.). Новосибирск, 1980. С. 115–133.

⁴ Чистов К.В. Легенда о Беловодье. С. 134–141.

⁵ Там же. С. 140.

Три списка первой редакции имели точные географические координаты своего бытования (ИРЛИ-1, ИРЛИ-2, ИРЛИ-3¹): они были приобретены у старообрядцев, проживающих на территории бывшего Печорского уезда Архангельской губернии. По факту бытования данных списков, а также упоминания в них Топозера, лежащего в северной части Карелии, списки первой редакции были отнесены К.В. Чистовым к севернорусским².

Ко второй редакции был отнесен список «Путешественника», опубликованный А.П. Шаповым в 1862 году. Характеризуя особенности этого списка, К.В. Чистов отмечает, что маршрут второй редакции начинается не с Москвы и Казани, а с Екатеринбурга, что, возможно, является косвенным свидетельством его приуральского происхождения (в приуральских губерниях)³.

Третья редакция также была представлена одним списком. Впервые этот список был опубликован Д.Н. Беликовым, с примечанием, что «список отобран урядником Мокиевым от крестьян Оренбургской губ. Уфимского уезда Рагузина и Бобкина в Алтайской волости Томской губ.»⁴. Характеризуя данный список, К.В. Чистов отмечает, что он краток и, в отличие от списков первых двух редакций, точен в названиях населенных пунктов Горного Алтая, что позволяет предположить его томское (алтайское) происхождение⁵.

По мнению К.В. Чистова, эти списки «Путешественника» восходят к одному рукописному источнику, на что указывает совпадение некоторых фраз, деталей, собственных имен, географических названий и цифр (количество церквей ассирийского постановления, митрополитов и т.д.)⁶. Расхождения в некоторых текстах описания маршрутов, имен собственных (в тексте, опубликованном А.П. Шаповым, вместо схимника Иосифа указан Иоанн; в тексте третьей редакции (список Беликова) вместо странноприимца Петра Кириллова указан Петр Машаров и т.д.), количества церквей в Беловодье, как подчеркивает К.В. Чистов, варьируют в обычных для рукописной традиции пределах⁷. Расхождения названий, отмечает К.В. Чистов, начинаются за Екатеринбургом, который был пределом реальных географических представлений крестьян европейской части России⁸.

К.В. Чистов предполагал, что особая роль в формировании и распространении беловодской легенды («Путешественника Марка Топозерского») принадлежала старообрядцам страннического (бегунского) согласия⁹. Впервые эта версия была высказана А.П. Шаповым в статье «Земство и рас-

¹ Аббревиатура списков была предложена К.В. Чистовым: в одних случаях — по фамилии авторов первой публикации данного списка (МП-1, 2 — Мельников-Печерский 1, 2; Щ — Шапов; Б — Беликов), в других — по месту архивного хранения (ИРЛИ-1, 2, 3, 4; ГИМ) или по месту бытования (Пермь-1).

² Чистов К.В. Легенда о Беловодье. С. 140.

³ Там же. С. 141.

⁴ Беликов Д.Н. Томский раскол (Исторический очерк от 1834 по 1880-е годы). Томск, 1901. С. 143.

⁵ Чистов К.В. Легенда о Беловодье. С. 141.

⁶ Там же.

⁷ Чистов К.В. Легенда о Беловодье. С. 141.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 121.

кол»¹. В статье в разделе о странниках он приводит текст «Путешественника», предваряя его следующим замечанием: «Бегствующие странники, или бегуны-бродяги, имели сведения о всех этих пристанях и пристанодержателях. У них есть свои маршруты или путники. Приведем для образца один маршрут по Сибири в какую-то азиатскую, неведомую страну, и при маршруте пригласительное письмо»².

В комментариях к этому тексту он пишет следующее: «Наперед заметим, что этот маршрут какой-то странный и указывает он дорогу в какую-то мифическую, баснословную страну. Между тем у раскольников есть маршруты другого рода, с верными топографическими указаниями, с точным названием городов и местностей, с подробным адресом купцов, мещан, крестьян, живущих на дороге, у которых путник может просить ночлега или приюта»³. В качестве примера Шапов приводит маршрут беглопоповцев: маршрут начинался от г. Хвалынска (Саратовская губ.), затем следовал в Москву, оттуда по Черниговской губернии через Днестр направлялся в Молдавию, к поселениям старообрядцев-некрасовцев⁴. Шапов также отмечает, что в старообрядческих маршрутах указывались не большие тракты, а свои особые пути-дороги, идущие мимо трактов, так называемые «сиротские дороги»⁵.

Позднее эта версия была повторена Л. Н. Трефолевым, который в своей работе о странниках в качестве курьезного примера страннического маршрута приводит текст «Путешественника», опубликованный Шаповым. При этом он, как и Шапов, отмечает, что маршруты странников обычно составлены очень толково, с подробным описанием пути⁶.

Следует подчеркнуть, что в Шаповской публикации «Путешественника» отсутствуют какие-либо сведения, откуда извлечен этот текст. В последующих публикациях списков «Путешественника» вопрос о его происхождении в страннической среде исследователями не поднимался.

Шаповско-трефолевская версия о странническом происхождении «Путешественника» была подкреплена К. В. Чистовым рядом дополнительных аргументов. В частности, он указывает на особенности следования маршрутом «Путешественника» — от «странноприимца» к «странноприимцу», на упоминание в тексте тайных убежищ («пещеры», «фатеры»), что сближает эти списки с «маршрутами» бегунов.

Еще одним аргументом в пользу бегунского происхождения «Путешественника» является упоминание Топозерской обители в списках первой редакции. В связи с этим К. В. Чистов пишет, что на Топозере, в скиту филипповского согласия, в течение двух лет проживал основатель бегунского согласия Евфимий⁷. Кроме того, на Топозере начал свою деятельность один из виднейших

¹ Впервые опубликована в 1862 году в журнале «Время» (Время. 1862. № 10. С. 277–278), см.: Чистов К. В. Легенда о Беловодье. С. 141.

² Шапов А. П. Земство и раскол // Сочинения А. П. Шапова: в 3 т. СПб., 1906. Т. 1. С. 563.

³ Там же. С. 563. Примечания.

⁴ Шапов А. П. Указ. соч. С. 563.

⁵ Там же.

⁶ Трефолов Л. Н. Странники. Эпизод из истории раскола // Труды Ярославского губернского статистического комитета. Ярославль, 1866. Вып. 1. С. 211.

⁷ Чистов К. В. Легенда о Беловодье. С. 145.

учеников и последователей Никиты Киселева Савва Александров, сыгравший заметную роль в распространении бегунства в Каргопольском уезде Олонецкой губернии и в ряде уездов Вологодской губернии¹.

Приводя эти аргументы, К.В. Чистов отмечает, что все эти факты, конечно, не говорят о том, что именно в Карелии возникла легенда о Беловодье, но важно отметить, что она была здесь известна и, вероятно, популярна². По его мнению, старообрядческие скиты Топозера сыграли значительную роль в развитии и сложении севернорусской редакции «Путешественника»³.

Что касается маршрута в алтайской ее части, то, по мнению К.В. Чистова, в шести из семи опубликованных текстов «Путешественника» говорится о смоленском варианте — через Красный Яр и с. Смоленское, обходя Алтайские горы с севера и запада, до д. Устьубы, расположенной при впадении р. Убы в Иртыш. Затем, двигаясь по долине р. Убы или какого-нибудь из ее притоков, перевалив через Тигрецко-Коксуйский хребет с запада на восток, по долине р. Коксу и Катуня достигали д. Уймон⁴. В одном из текстов (МП-1), вероятно, говорится о бухтарминском варианте маршрута — через Усть-Каменогорск до Усть-Бухтармы и затем Бухтарминской долиной через какой-нибудь из перевалов Катунского хребта до д. Уймон⁵. При этом К.В. Чистов отмечает, что маршрут «Путешественника» до Бийска совпадает с одним из традиционных в XIX веке направлений переселенческого движения из северной и центральной части европейской России на Алтай⁶.

Дальнейшую разработку беловодская тема получила в монографии К.В. Чистова «Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв.», вышедшей в 1967 году⁷. В ней была сделана попытка восстановить по известным к тому времени фактам историю поисков легендарной вольной страны — Беловодья, которые предпринимали крестьяне (преимущественно старообрядцы), представители городских низов и казаки на протяжении всего XIX и даже в начале XX века. В монографии 1967 года тексты «Путешественника» лишь цитировались в ходе изложения истории поисков Беловодья.

После 1962–1967 годов находки текстов «Путешественника» продолжались. Один из списков был обнаружен в архиве М.Н. Тихомирова⁸. Другой список был найден Е.М. Сморгуновой в 1978 году в ходе археографических исследований в Верхокамье⁹; текст опубликован в 1999 году¹⁰.

1 Чистов К.В. Легенда о Беловодье. С. 145.

2 Там же. С. 146.

3 Там же.

4 Там же. С. 150.

5 Там же.

6 Там же. С. 151.

7 Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М., 1967.

8 Тихомиров М.Н. Описание Тихомировского собрания рукописей. М., 1968. С. 66.

9 Отдел рукописей МГУ. Собр. Верхокамское № 1298 (2280-9-79) 309а. Путешественник. XIX. Д. Верхняя Язьва Красновишерского района Пермской обл. Беглопоповцы. Автор — инок Марк.

10 Сморгунова Е.М. Исход староверов вчера и сегодня: уход от мира и поиски земли обетованной // История церкви: изучение и преподавание: материалы науч. конф., посвящая 2000-летию христианства (22–25 ноября 1999 г.). Екатеринбург, 1999. С. 216–218.

Еще один текст был выявлен А.И. Клибановым в составе старообрядческого сборника из собрания Е.В. Барсова. Сборник помимо «Путешественника» включает китежскую легенду, а также обширное сочинение «Дорога за границу», в котором с подробным указанием пунктов следования описываются маршруты движения к старообрядцам, проживающим за пределами Российской империи: два маршрута в Турцию, один — в Молдавию и еще один — в Австрию¹.

В 1980 году В.Ф. Лобановым был опубликован список «Путешественника», обнаруженный им среди делопроизводных документов Департамента общих дел².

Еще один список был выявлен В.П. Будорагиным в составе сборника, который поступил в Древлехранилище им. В.И. Малышева в 1980 году от наследников петербургской жительницы И.И. Гоевой, уроженки пос. Сабурово Елатьевского района Рязанской области³.

Еще один список «Путешественника» упоминает В.А. Липинская, сообщая, что текст обнаружен историком С.И. Лукичевым, но каких-то других подробностей относительно этого текста она не приводит⁴.

В монографии «Русская народная утопия» К.В. Чистовым были опубликованы 11 доступных к изданию списков текстов «Путешественника». Все они были сгруппированы в три редакции в соответствии с текстологическими особенностями, которые впервые были выявлены в публикации 1962 года⁵.

Еще один текст «Путешественника» был обнаружен и опубликован В.А. Трусовым⁶. Список находился в составе делопроизводных документов 1847 года, связанных с проведением следствия по делу о бегстве в Беловодье крестьян, приписанных к Ревдинскому заводу⁷. Этот список отличается от трех выделенных К.В. Чистовым редакций. В начале списка приводится год его

¹ Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977. С. 221–222.

² Лобанов В.Ф. Новый список «Путешественника» инока Михаила // Сибирское источниковедение и археография. Новосибирск, 1980. С. 208–211. Обнаруженный В.Ф. Лобановым список находился среди делопроизводных документов Департамента общих дел — РГИА. Ф. 1284. Оп. 198. Д. 59 (1840). По отношению генерал-губернатора Восточной Сибири о церквях, существующих в Томской губернии в Бийском округе и других местах Сибири. Л. 2.

³ ИРЛИ. Древлехранилище им. В.И. Малышева. Оп. 24 (Отдельные поступления). № 133. Сборник. Начало XX в., без переплета. Содержит: повести из Великого Зеркала, из Пролога, Сказания о картофеле, о числе 666, о бесах, постановления Куржеского собора, повесть Гнев Божий (о гибели города Порт Рояль), Аптеку духовную, «Путеводитель» и др. Текст опубликован: Чистов К.В., Чувьоров А.А. Список «Путешественника» из Рязанской губернии // Старообрядчество в России (XVIII–XX вв.). Вып. 3 / отв. ред. Е.М. Юхименко. М., 2004. С. 251–256.

⁴ Липинская В.А. Старожилы и переселенцы: Русские на Алтае, XVIII — начало XX века. М., 1996. С. 35. Возможно, в инициалах Лукичева Липинской допущена опечатка — С.И. вместо С.С. Лукичев.

⁵ Чистов К.В. Русская народная утопия. С. 427–441.

⁶ Трусов В.А. Три списка с рукописи Путешественника Марко Топозерского // Старообрядчество: история, культура, современность: материалы VIII Междунар. науч. конф. «Старообрядчество: история, культура, современность», 13–15 ноября. М., 2007. Т. 2. С. 234–241.

⁷ Там же. С. 234.

записи — 1844-й. Автором данного списка назван некто Марко из Тобольской обители¹. Маршрут начинается с Екатеринбурга, далее по Западной Сибири (Тюмень, Камышлов, Каинск, Барнаул) на Алтай, до д. Устюбы, в которой, согласно этому тексту, проживал уже известный по другим спискам странноприимец Петр Кириллов. В то же время в этом списке не упоминается схимник Иосиф, который фигурирует в других текстах «Путешественника». Кроме того, в конце рукописи имеется небольшая приписка, отсутствующая в других списках: «А кто хочет проживание иметь по Томской губернии, уезда Бийска, волости Смоленской, деревни Красноярской, тут Давыд Данилов Цепелин, откого 70 лет, от Екатеринбургa 2065 верст — в Камышлов город, в Каинск город, из Каинска в Барнаул, из Барнаула в Смоленскую область, деревню Краснояр, спрашивать Данилова старика, или детей его, или кому он поручил для препровождения желающих ко спасению»².

Секретный совещательный комитет в Екатеринбурге, который проводил расследование дела о бегстве приписных к Ревдинскому заводу крестьян, обратился к томскому гражданскому губернатору с просьбой произвести тщательное разыскание ревдинских беглецов в дер. Красноярской Смоленской волости. Спустя некоторое время от бийского земского исправника был получен рапорт, в котором между прочим сообщалось, что в дер. Красноярской Смоленской волости некоторое время назад действительно проживал Давыд Данилов, но не Цепелин, а Шепелин, и что он умер 4 года назад (в 1844 г. — А. Ч.). В рапорте говорится также, что в дер. Красноярской проживают члены семьи Давыда Данилова Шепелина, жена и его дети — Николай, Денис, Андрей и Афанасий, но в укрывательстве они ранее не были замечены. Разыскиваемые же ревдинские беглецы в данной местности не были обнаружены³.

Следует подчеркнуть, что беловодский маршрут, приводимый в данном списке «Путешественника», в его западносибирско-алтайской части составлен достаточно грамотно, с правильными географически-топографическими указаниями и с точным названием городов.

Что касается имени автора и места его проживания (Марко из Тобольской обители), то скорее всего в данном случае мы имеем дело с искажением топонима Топозеро, который жителям Западной Сибири был неизвестен. Аналогичную картину мы видим в списке, обнаруженном в Рязанской области, — в нем автор (инок Марк) представлен иноком Тонасирской обители Шлиферского уезда (ИРЛИ-4)⁴.

Еще об одном списке, хранящемся в музее с. Верхний Уймон (Республика Горный Алтай, Усть-Коксинский р-н), упоминает В.А. Трусов⁵. В действительности в этом музее отсутствуют какие-либо рукописи со списком «Путе-

¹ В публикации В.А. Трусова допущена опечатка — вместо «Тобольской обители», напечатано «Тобольской области», а также дается неправильная ссылка на номер архивного дела, в составе которого находится вышеупомянутый текст «Путешественника» (см.: Трусов В.А. Указ. соч. С. 234).

² Государственный архив Свердловской области. Ф. 24. Оп. 23. Д. 6551. Л. 100.

³ Трусов В.А. Указ. соч. С. 237.

⁴ Чистов К.В. Русская народная утопия. С. 434–435.

⁵ При этом Трусов ссылается на книгу Р.П. Кучугановой «Уймонские староверы» (Кучуганова Р.П. Уймонские староверы. Новосибирск, 2000. С. 202).

шественника». По словам Р.П. Кучугановой¹, данное упоминание о списке в верхнеуймонской музее является ошибкой редактора, издававшего ее книгу «Уймонские староверы»².

Таким образом, к настоящему времени известно 14 списков «Путешественника»³; кроме того, пересказы «Путешественника», основанные на других списках, приводятся Г.Т. Хохловым и А.Н. Белослюдовым.

По регионам рукописи со списками «Путешественника» располагаются следующим образом: европейская часть России представлена шестью рукописями (ИРЛИ-1, 2, 3, 4; Пермь-1), из которых три списка бытовали на территории бывшего Печорского уезда Архангельской губернии, один — в Пермской губернии. Вероятно, к территории европейской части России относится и список, опубликованный П.И. Мельниковым (МП-1)⁴.

Две рукописи имеют западносибирское происхождение: это список, опубликованный В.А. Трусовым, и список, опубликованный Д.Н. Беликовым⁵. Место бытования остальных списков (Тих.-1, РГИА-1, ГИМ, список из собрания Е.В. Барсова) не известно.

По мнению А.И. Мальцева, высказанному в одной из его работ, возникновение беловодской легенды не связано непосредственно со странническим соглашением, так как в страннических сочинениях XVIII—XX веков нет упоминаний о Беловодье, отсутствуют в них и списки «Путешественника»⁶.

К замечанию А.И. Мальцева следует добавить, что ни по одному из ныне известных списков «Путешественника» нет достоверных данных о его принадлежности к сборникам странников. Три списка бытовали в среде старообрядцев-беспоповцев поморского согласия (ИРЛИ-1, 2, 3)⁷, один — у пермских старообрядцев-беглопоповцев (Пермь-1). Судя по составу сборника, старообрядцам-поповцам принадлежал сборник из собрания Е.В. Барсова. В отношении списка, обнаруженного среди ревдинских старообрядцев, как и по ряду других списков, требуются дополнительные архивные разыскания. Сами же жители алтайских деревень, которые упоминаются в «Путешественнике» (Ай, Устюба, Уймонская (Димонская), согласно архивным документам, относились к беглопоповскому согласию (часовенные)⁸.

¹ Беседа автора данной статьи с Р.П. Кучугановой происходила во время посещения музея в с. Верхний Уймон летом 2010 года.

² По словам Р.П. Кучугановой, публикация этого списка вставлена редактором данного издания. Текст для публикации, по всей видимости, взят из работы Беликова (*Беликов Д.Н. Указ. соч. С. 143*).

³ П.И. Мельников в своей публикации приводит разночтения еще по одному списку (МП-2), см.: *Мельников П.И. (Андрей Печерский). Очерки поповщины // Полное собрание сочинений П.И. Мельникова (Андрея Печерского). 2-е изд. СПб., 1909. Т. 7. С. 23–24.*

⁴ Там же.

⁵ *Беликов Д.Н. Указ. соч. С. 143.*

⁶ *Мальцев А.И. Указ. соч. С. 534–535.*

⁷ Два из них были приобретены у русских старообрядцев-устыцилемов, один бытовал в среде коми староверов поморского согласия, но также имеет усть-цилемское происхождение (см.: *Балашов Д.Н., Бегунов Ю.К. Поездка за рукописями в Печорский район Коми АССР в 1960 г. // Труды отдела древнерусской литературы. Л., 1962. Т. 18. С. 462*).

⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 198. Д. 59. Л. 34–35 об.

Содержание «Путешественника», по мнению А.И. Мальцева, также противоречит учению странников. Так, в «Путешественнике», в различных его списках, утверждается, что в Беловодье нет Антихриста, там во всей полноте православное «дониконовское» священство, что, по мнению А.И. Мальцева, в корне противоречит одному из краеугольных положений вероучения странников о всемирной и окончательной победе Антихриста и конечном истреблении им «истинного» православного священства. Возникновение и распространение легенды о Беловодье, отмечает он, не следует связывать с деятельностью какого-либо определенного старообрядческого согласия — поповского или беспоповского. Старообрядческие идеологи не могли иметь отношения к разработке легенды. Она родилась в народной среде, поддерживалась носителями массового сознания, по-видимому, не очень глубоко разбиравшимися в тонкостях учений различных старообрядческих согласий. Легенда распространялась среди людей, формально принадлежавших к различным старообрядческим согласиям (поморцам, часовенным, представителям беглопоповщины)¹.

Еще один вопрос, который возникает в связи изучением списков «Путешественника», — это вопрос о времени возникновения этого сочинения.

Первое упоминание *Беловодья* в официальных источниках относится к началу XIX века. В 1807 году из Томской губернии в Петербург приехал алтайский приписной крестьянин Д. Бобылев и обратился в Министерство внутренних дел с донесением, что он проведal о живущих «на море Беловодье» старообрядцах — российских поданных, которые бежали туда по причине раздоров, происходивших за веру при царе Алексее Михайловиче, во время Соловецкого возмущения. По словам Бобылева, бухтарминский крестьянин Михаил Лысов был в селениях беловодцев и вернулся в 1804 году на Бухтарму; а еще раньше, в 1802 году, он сам, Бобылев, узнал о жителях Беловодья «от выходившихся из-за границы тех старообрядцев для свиданья с родственниками потаенно»². Бобылев сообщил, что беловодцы желают вернуться на родину, если им будет обеспечена свобода вероисповедания и право поселиться в избранных ими местах. О донесении Д.М. Бобылева доложили императору, который распорядился выдать ему 150 руб. и направить его к сибирскому генерал-губернатору, после чего Бобылев исчез, а его поиски результата не дали³.

В 1807 году поступило еще одно сообщение о Беловодье: томский купец Мефодий Шумилов обратился к министру внутренних дел с донесением, в котором сообщал о старообрядцах, живущих на границе Индии и Китая, на расстоянии 15 дней пути от Бухтарминской крепости. Количество проживающих там старообрядцев, по его свидетельству, было не менее 200 тыс. человек⁴.

Как отмечает, С.И. Гуляев, первоначально (еще в первой половине XVIII в.) Беловодьем называли весь округ Колывано-Воскресенских заводов. В 1764 году все население Колывано-Воскресенского округа после третьей ревизской переписи было приписано к заводам, поэтому Беловодьем стали называть про-

¹ Мальцев А.И. Указ. соч. С. 535.

² Покровский Н.Н. Указ. соч. С. 121–122.

³ Первое свидетельство об этой истории приводится в работе: *Варадинов Н.Н.* История Министерства внутренних дел: История распоряжений по расколу. СПб., 1863. Кн. 8. С. 62–63. Подлинные архивные материалы о деле Бобылева были обнаружены А.И. Клибановым (см.: *Клибанов А.И.* Указ. соч. С. 222–223).

⁴ Там же. С. 223.

странство земель, лежащих к востоку за Кольванской и Кузнецкой линиями до границ с Китаем¹.

Как отмечает К. В. Чистов, беловодская легенда в том виде, в каком мы ее знаем, могла возникнуть только после присоединения первоначального Беловодья — Бухтармы и Уймоны — к России (то есть после 1791 г.²).

В связи с датировкой «Путешественника» интерес представляет следственное дело, проведенное в 1840-е годы МВД по запросу митрополита Московского Филарета. В результате расследования выяснилось, что в деревне Устьюбы проживает упоминавшийся в «Путешественнике» странноприимец Петр Кириллов по прозвищу Машаров. В донесении Бийского исправника также сообщалось, что в 1836 году возле деревень Устьюбы, Каличи и Тавды, населенных старообрядцами, были найдены несколько келий, выдолбленных в высушенных кедровых деревьях. В одной из таких дуплянок был обнаружен схимонах Паисий, на котором были железные вериги, власяница, погребальная схема, небольшой деревянный сосуд и причастие. Другой схимонах, Иосиф Абабков, был схвачен в деревне Ай. Следствие установило, что задержанными схимонахами являются братья Гудковы — Прокопий (Паисий) и Иван (Иосиф). Оба они были приписаны к Смоленской волости Оренбургской губернии и более двадцати лет находились в бегах. По решению Комитета Гражданского министерства, в 1838 году схимонахи Гудковы были посланы на поселение³. Материалы данного следствия, а также вышеупомянутого ревдинского дела показывают, что в текстах «Путешественника» содержались реальные факты (имена странноприимцев, многочисленные пещеры, кельи и т.д.), а фантастические мотивы сосредоточены главным образом в послеалтайской части памятника. Кроме того, как показывает список маршрута в Беловодье из ревдинского следственного дела, «Путешественник» в соответствии с происходящими на Алтае изменениями (арест и высылка братьев Гудковых) редактировался и дополнялся новыми подробностями (в частности, упоминание в этом тексте о Давыде Цепелине из д. Красноярской).

По мнению А. И. Мальцева, первоначальный вариант рукописного текста «Путешественника» был создан не ранее 1810—1815 годов, то есть не ранее того времени, когда на Алтае появился инок Иосиф (Иван Гудков)⁴.

На ее формирование могли оказать влияние и другие старообрядческие сочинения. Так, в списке «Путешественника», опубликованного П. И. Мельниковым, упоминается «Шведский путешественник». В комментарии к тексту «Путешественника» он пишет следующее: «“Шведский путешественник”, о котором упоминает старец Марко Топозерский, есть подобное же раскольническое сочинение о старообрядцах, живущих в Финляндии, Норвегии и Швеции. В нем говорится о богатстве металлами тех стран и затем присовокупляется, что “на восточных отоцех, иде же от древнейших времен блюдетя истинная вера, злата и сребра и драгоценного камня еще множае”»⁵. К сожа-

¹ Гуляев С. Алтайские каменщики // Санкт-Петербургские ведомости. 1845. 26 янв. № 20.

² Чистов К. В. Русская народная утопия. С. 318.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 198. Д. 59 (1840). Л. 12—14 об.

⁴ Мальцев А. И. Указ. соч. С. 534.

⁵ Мельников П. И. Очерки поповщины. С. 24.

лению, ни в литературе, ни в архивах нам пока не удалось разыскать списки этого памятника. Его находка, наверное, могла бы прояснить некоторые вопросы, связанные с «Путешественником Марка Топозерского» (возможно, автором этого сочинения также является некий инок Марк).

Что касается выделенных К.В. Чистовым редакций, то, наверное, спорной пока что представляется третья из них (сибирско-алтайская — список Беликова), поскольку мы имеем дело только с одним списком и сложно сказать, насколько широко были распространены списки подобного рода. Вполне возможно, что этот вариант «Путешественника», бытовавший среди крестьян Оренбургской губернии, представляет собой письменную фиксацию устного пересказа легенды, фольклорного варианта развернутого сюжета рукописного текста.

Распространение списков «Путешественника» и слухов о Беловодье стимулировали крестьян приуральских губерний и Западной Сибири к поиску этой легендарной вольной страны. Коллективные побегі жителей Горного и Рудного Алтая в Беловодье продолжались на протяжении 1820–1860-х годов¹. Один из таких побегов был предпринят в 1861 году старообрядцами бухтарминских деревень Белая, Коробиха, Сенная (фото 1, 2, 3). Возглавлял этот поход житель дер. Белой Емельян Зырянов².

Последнее из алтайских известий о поисках Беловодья относится к 1888 году. Тогда около 40 человек из с. Кабы попытались совершить побег, но были возвращены местными властями еще до перехода китайской границы³.

Вера старообрядцев в существование Беловодья, значительно подорванная неудачными поисками, тем не менее еще в начале XX века продолжала толкать некоторых на его поиски. Так, в 1908 году В.Г. Короленко в предисловии к книге Г.Т. Хохлова «Путешествие уральских казаков в Беловодское царство» писал: «Некоторые из статистиков, исследовавших Алтайский округ, уже в последние годы сообщали пишущему эти строки, что и в настоящее время известны еще случаи этих попыток проникнуть в Беловодье через таинственные хребты и пустыни Средней Азии. Некоторые из этих искателей возвращаются обратно, другие не возвращаются совсем. Нет сомнения, что эти другие погибают где-нибудь в Китае или в суровом, негостеприимном для европейца Тибете. Но наивная молва объясняет это исчезновение иначе. По ее мнению, эти пропавшие без вести остаются в счастливом Беловодском царстве. И это обстоятельство манит новых и новых мечтателей на опасности и на гибель»⁴.

В начале XX века среди уральских казаков распространился слух, что Л.Н. Толстой ездил за границу и побывал в Беловодье, где присоединился к староверию и даже принял какой-то сан. По этому поводу делегация

¹ Подробнее см.: *Мамсик Т.С.* Беловодцы и Беловодье: по материалам следственного дела о побеге 1827–1828 гг. // *Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода.* Новосибирск, 1982. С. 135–164; *Беликов Д.Н.* Указ. соч. С. 145–155.

² *Белослюдов А.* К истории Беловодья // *Записки Западно-сибирского отделения РГО.* Омск, 1916. Т. 38. С. 32–35; *Рерих Н.* Беловодье // *Листы дневника (1936–1941).* М., 2000. Т. 2. С. 27–28.

³ *Чистов К.В.* Легенда о Беловодье. С. 151.

⁴ Там же. С. 155–156.

Рис. 1. Ассон Емельянович Зырянов (глава бухтарминских старообрядцев-беспоповцев) с женой. В 1861 г. Ассон Зырянов в 12-летнем возрасте ходил вместе с отцом искать Беловодье. Казахстан, Семипалатинская область, Катон-Карагайский р-н, Верхне-Бухтарминская волость, д. Белая.
Фото А.А. Белослюдова. 1914 г. АРЭМ, колл. № 5572-54

Рис. 2. Ассон Емельянович с дочерью и тремя учениками. Казахстан, Семипалатинская область, Катон-Карагайский р-н, Верхне-Бухтарминская волость, д. Белая. Фото А.А. Белослюдова. 1914 г. АРЭМ, колл. № 5572-55-2

Рис. 3. Молитвенный дом, построенный по инициативе А.Е. Зырянова. Казахстан, Семипалатинская область, Катон-Карагайский р-н, Верхне-Бухтарминская волость, д. Белая. Фото А.А. Белослюдова. 1914 г. АРЭМ, колл. № 5572-56

уральских казаков специально посетила в 1903 году Ясную Поляну, но Л.Н. Толстой развеял эти слухи¹.

В начале Первой мировой войны в бухтарминских деревнях побывал А. Белослюдов. От Ассона Емельяновича Зырянова он записал рассказ о побеге бухтарминцев в 1861 году в Беловодье. Заключая эту историю, Белослюдов пишет следующее: «В настоящее время на Бухтарме уже не верят в существование Беловодья, хотя еще не редкость встретить старика, который, свято веря, расскажет вам, что на Беловодье, на море, на островах живут святые люди, что если попасть туда, можно живьем сделаться святым и взойти на небо; добавит даже, что святых людей видели ходившие на Беловодье; святые люди верхом на конях по водам подъезжали к ним и звали, но кони ходивших на Беловодье тонули и святые люди уезжали обратно. Кроме этого, в верховьях Бухтармы, рассказывали мне, что великий князь Константин Николаевич, увидя, что неправда на Руси царит, ушел на Беловодье, на острова, и увел туда с собой сорок тысяч мужских и женских и что теперь этот народ живет там и податей не платит»².

Легенды о Беловодье среди алтайских крестьян продолжали бытовать и в 1920-е годы. В 1926 году на Алтае, в Уймонской долине, побывал известный художник Н.К. Рерих. В ходе экспедиции им было записано несколько рассказов беловодской легенды: «Беловодье. Дед Атаманова и отец Огнева ходили искать Беловодье. Через Кокуши горы, через Богорше, через Ергор — по особой тропе. А кто пути не знает, то пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские люди выходят верхом на конях по особым ходам по Ергору. Также было, что женщина беловодская вышла давно уже. Ростом высокая, станом тонкая, лицом темнее, чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы в сарафан. Сроки на все особые»³.

В другом предании уймонских староверов рассказывается о походе бухтарминцев в Беловодье: «В 1923 году Соколиха с бухтарминскими поехала искать Беловодье. Никто из них не вернулся, но недавно получилось от Соколихи письмо. Пишет, что в Беловодье не попала, но живет хорошо. А где живет, того не пишет»⁴.

Рассказы о походах в Беловодье в 1920-е годы продолжали бытовать и на Бухтарме. В 1927 году Е.Э. Бломквист и Н.П. Гринковой от Д.П. Зырянова, родственники которого принимали участие в походе 1861 года, была записана следующая легенда: «Но немного им осталось дойти-то. Дальше идет море глубокое, и на том берегу стоит крепость старинная, и живут в ней праведники, сохранившие веру истинную, бежавшие от бергальства. От солдатства (ратники были). Попасть к ним можно, перейдя это море, а по морю вывешена доро-

¹ Чистов К.В. Легенда о Беловодье... С. 157.

² Белослюдов А. Указ. соч. С. 34–35.

³ Рерих Н.К. Алтай — Гималаи. М., 1999. С. 373–374. Рерих связывал возникновение беловодской легенды с миром центрально-азиатской культуры и сблизил Беловодье с легендарной страной буддистов Шамбалой (см.: Савоскул С.С. Н.К. Рерих и легенда о Беловодье // Советская этнография. 1983. № 6. С. 94).

⁴ Там же. С. 374. Это предание о Соколихе спустя десятилетия претерпело определенную трансформацию. Так, в конце 1979 — начале 1980 года в Верхнем Уймоне С.С. Савоскулом была записана легенда о Соколихе, которая дошла до Беловодья и уже оттуда пришла письмо, но не указала своего адреса (см.: Савоскул С.С. Указ. соч. С. 91–92).

га фертом, лошади по брюхо, на одни сутки пути. Слух идет, что сейчас живут они там и хранят древнее благочестие»¹. Кроме походов в Беловодье через Китай, бухтарминские староверы упоминали о попытках искать Беловодье в Афганистане и в Индии².

В старообрядческих рукописях списки «Путешественника» встречаются вплоть до 80-х годов XX века. Легенды о Беловодье продолжают до сих пор бытовать среди населения Бухтармы и Горного Алтая³. В легенде, записанной в 1990-е годы в Зырянском районе Восточно-Казахстанской области, излагается следующая версия: «Собрались люди, насыпили сухарей, поехали в Беловодье. Едут, санки тащат, зарубки оставляют. Так добрались до большой ледяной горы. Стали на нее лезть, а следы тут же за ними застывают и исчезают. Вот, наконец, покатались санки под гору, а там — море или река большая. Они куда ни кинутся — все глубь. Только один смог переехать воду, потому что он тамошний (беловодский) был. То ли у них мост под водой, то ли какие-то знаки тайные есть, а может молитвы какие знают, в общем, не все, а только избранные могут в Беловодье попасть»⁴.

¹ Бломквист Е.Э., Гринкова Н.П. Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930. С. 37–40.

² Там же. С. 37.

³ Слово «Беловодье» в настоящее время в Восточно-Казахстанской области Республики Казахстан и в Усть-Коксинском р-не Республики Алтай РФ стало распространенным названием-брендом: это названия нескольких центров торговли (г. Риддер, Зыряновск), строительной фирмы, детского оздоровительного лагеря и т.д. Поисковые системы Интернета в ответ на запрос о Беловодье выдают широкий спектр социально-культурных явлений и объектов: культурно-просветительский фонд и одноименный сайт русских старообрядцев Латвии, московская рок-группа, курортный отель в Алтайском крае, коттеджный поселок в излучине реки Дон, сельскохозяйственная фирма и т.д. Кроме того, на различных интернет-порталах приводятся тексты псевдоисторического источника, так называемого «Сокровенного сказания о Беловодье»: URL: http://www.myshambhala.com/books/legends/O_Sokrovennom_skazanii_o_Belovodje.htm; http://homarano.narod.ru/Windows/skaz_r.htm. Тема Беловодья также весьма популярна среди неоязычников (см.: Дий Велислав. Беловодье — прародина Славян. URL: <http://www.l-sovetnik.com/articles/article-421.html>).

⁴ Мурашова Н.С. Старообрядцы Алтая // Традиции духовного пения в культуре старообрядцев Алтая. Новосибирск, 2002. С. 56 (примечание).